

ШКОЛА МГИМО В АКАДЕМИЧЕСКОМ ИСПОЛНЕНИИ

Со второй половины 1990-х годов российские международники приложили немало сил для разработки новых моделей изучения и преподавания науки о международных отношениях и для написания учебников и учебных пособий нового поколения. Не будет преувеличением сказать, что МГИМО-Университет в этом смысле показал пример серийой коллективных трудов, подготовленных под руководством члена-корреспондента РАН А. Торкунова, а также индивидуальными монографиями ряда своих специалистов. Представители академической науки, как выяснилось, тоже не теряли времени зря. Это доказывает публикация новой четырехтомной «Системной истории международных отношений»*, написанной коллективом сотрудников различных исследовательских институтов РАН в рамках проектов неправительственной организации «Научно-образовательный форум по международным отношениям».

Справедливости ради надо сказать, что проект подобного издания зародился в МГИМО еще в 1993-м буквально на глазах автора этой рецензии. Но в бурное десятилетие 1990-х его научно-организационное ядро переместилось в Академию наук, а затем — и вовсе в систему неправительственных организаций. Состав авторов сменился, однако «дух» школы МГИМО в работе не просто остался, он ее полностью пропитывает. Это не удивительно: автор почти половины текста и ответственный редактор четырехтомника А. Богатуров сам «в чистом виде» представляет эту школу, поскольку из нее вышел и с ней не порывал, совмещая академические занятия с преподаванием в МГИМО на протяжении последних 12 лет.

Авторы не отвергают наследие старой историко-политической школы исследования международных отношений. Они ссылаются в предисловии на труды 1960—1980-х годов, признавая в каком-то смысле преемственность своей работы по отношению к ним. Более того — даже стремятся следовать предшественникам, сохраняя свойственный тем высокий стандарт фактологической насыщенности текста, панорамности изложения, тщательной прорисовки деталей.

Но этим преемственность и ограничивается. Не опускаясь до насмешек над методологическими слабостями работ той поры, авторы «Системной истории» закладывают новый канон анализа международно-полити-

ческого развития. Их схема необычна в двух отношениях.

Во-первых, она полностью разрушает видение истории международных отношений как суммы событий в отдельных регионах. В этой книге почти нет (а в томе, относящемся к событиям 1945—2003 годов, — вообще нет) глав, целиком посвященных международным отношениям в тех или иных районах мира. Сюжеты, относящиеся к событиям на Ближнем Востоке или в Юго-Восточной Азии, в Восточной Европе или Латинской Америке, вставлены в жесткий каркас «синхронного времени». Они анализируются в том порядке, в котором на самом деле происходили — «вперемешку», набегая друг на друга и друг на друга влияя. При таком изложении картина мира становится сложнее, но объемней и ярче. А главное, восстанавливается присутствующий живым международным отношениям «эффект одновременности», высвечиваются действительные связи между событиями в разных точках планеты. Региональные события оказываются встроены в общую логику развития мировой системы. За счет этого меняется акцент в понимании объекта изучения истории международных отношений. Впервые внимание действительно фокусируется на общих закономерностях мирополитического процесса, а не на важных событийных частностях из жизни того или иного региона, выключенных из контекста целого.

Во-вторых, «Системная история» — первая крупная по охвату политологическая работа на тему истории международных отношений. Всем вариантам аналогичных трудов в прошлом был присущ всемирно-исторический подход, даже в лучших царил стиль исследований по всемирной истории с акцентом на историко-описательной стороне сюжетов. Авторы этой книги тяготеют к политологии, может быть, даже к политической социологии (в ее современном, немного расширительном смысле). Для них, к примеру, строгий учет действительной исторической последовательности событий во время Берлинского или Карибского кризисов и внимание к документированности фактов важны в той же мере, что и показ политико-психологического фона этих международных ситуаций, особенностей социально-экономического развития стран, вовлеченных в противостояние, характеристик личности человека в СССР, странах Запада и Востока. Эта первая российская историко-политическая работа, в которой в ткани историко-политического повествования нашлось достойное место для сюжетов по проблематике прав человека, экологии, политических стереотипов, психологии лидеров. Между тем, без учета всего спектра политологических и со-

* «Системная история международных отношений. 1918—2003. События и документы». Отв. ред. А. Д. Богатуров. Тт. 1—2. М., Московский рабочий, 2000, 516, 243 стр.; тт. 3—4. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2003, 720, 602 стр.,

циологических характеристик история международных отношений правильно понята быть не может. Не говоря о том, что российский специалист-международник, не умеющий связывать все эти измерения международных отношений, оказывается неконкурентоспособным по сравнению с зарубежными коллегами.

Хорошо, что авторы работы в основном сумели удержаться от прямых и одномерных оценок. Их творческая позиция все равно прочитывается. Понимая многообразие потенциальной читательской аудитории, они постарались отнестись к каждому ее сегменту максимально уважительно. В книге нет резких суждений. Жесткая логика системного изложения фактов, от которой авторы стараются не отступать, делает за них то, говорить о чем прямо они не хотят, — в силу недавнего характера событий, отсутствия документальной базы для ясных выводов или деликатности отдельных проблем. Рецензируемый труд — один из наименее идеологизированных за всю историю существования отечественной науки о международных отношениях.

В «Системной истории» впервые в отечественных исследованиях дана цельная картина международных отношений 1990-х годов. Еще совсем недавно этот период казался нам жгучей современностью. Новая книга убеждает в том, что 1990-е — уже история, и их материал надо относить к историческим учебным курсам, версию построения которых дает четырехтомник.

Избегать «нажима» в оценках авторам позволяет сдвоенный характер издания: его первый и третий тома представляют собой авторские тексты, а второй и четвертый — сборники документов (основным их составителем выступил доцент МГИМО А. Мальгин). Недосказанность, которую придирчивый читатель может ощутить в тексте, он имеет возможность восполнить чтением предлагаемых первоисточников — заодно проверив обоснованность приводимых в книге суждений.

При этом документальные тома — это тоже необычно — состоят не только из текстов по внешней политике России. В основном в них приведены документы о развитии мира в целом. Российская тема вписана в тематику глобальной мирополитической эволюции. Особенно интересны документы по истории европейской интеграции, ранним этапам арабо-израильского конфликта, стенограммы заседаний Политбюро ЦК ЦПСС по польскому и афганскому вопросам, знаменитая речь Дж. Кеннеди «Я — берлинец!», установочные выступления В. Путина и Дж. Буша-младшего.

Говорить об этой работе подробней нет смысла — умный читатель найдет к ней дорогу. Начинающим по этой книге будет легко учиться. Опытным и знающим — полезно уточнить собственные подходы. Тем и другим книга пригодится как энциклопедический свод не только дат и имен (в первом и третьем томах даны компактные, но емкие именные указатели), но и труднодоступных, распыленных фактов, собранных по крупным и приведенных в систему, задающую понимание международных отношений как развернутого в истории, но единого по смыслу и содержанию политического процесса.

В тексте есть неровности, свойственные всем коллективным трудам. Но книга «схватывает», «не отпускает», может быть, потому, что привычные сюжеты в ней поданы в ключе непривычных сопоставлений, и это позволяет каждому из нас самому по-новому взглянуть на минувшее и увидеть в нем даже то, чего (неизбежно) не смогли заметить авторы этой в целом все-таки замечательно удачной работы.

И. ТЮЛИН,
*доктор политических наук,
профессор, первый проректор
МГИМО (У) МИД РФ*